

Марченков М.Л., Курочкина Д.К.

Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли»...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 3. С. 118–131.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 118–131.

Научная статья
УДК [327.1(98):141.7](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V519

Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли» для исследования международных отношений в Арктике

Максим Леонидович Марченков^{1✉}

Дарья Константиновна Курочкина²

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,

¹e-mail: m.marchenkov@narfu.ru[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

²e-mail: kurochkina.d@edu.narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1259-6347>

Аннотация. В условиях эскалации противоречий по вопросам архитектуры международной безопасности и глобального управления в мировой политике Арктика стала регионом, международно-политическая динамика которого в 2020-х годах претерпела существенную трансформацию. Так, во времена кризиса в теории и практике международных отношений видится целесообразным обращение к политико-философскому инструментарию, который поможет по-новому взглянуть на сущность проблем мировой политики. Среди различных философских направлений для анализа международных отношений интерес представляет концепция «номоса земли», предложенная в 1950 году немецким философом и юристом Карлом Шмиттом. Данный подход обладает значительным эвристическим потенциалом для изучения пространственной организации, т. е. принципов установления правового и политического порядка на территориях различного масштаба, что позволяет применить методологические основания этой концепции для исследования эмпирики международных отношений в Арктике. Через обращение к творчеству Шмитта и его критике проанализированы основные категории шмиттианской философии политико-правового пространства: дихотомия суши и моря, «захват» суши, «линии дружбы», «большие пространства». В целях их более корректной операционализации и интерпретации в отношении «новых» феноменов мировой политики концепция «номоса земли» была актуализирована и дополнена представлениями об «акторах вне суверенитета», иерархии в международных отношениях постсовременности, дуальности глобализации и регионализации, нематериальных «новых больших пространствах». На примере международных отношений в Арктике преодолено противоречие между автономиями суши и моря в их совместном конструировании региона. Обосновано существование параллельных «больших пространств» в Арктике в условиях их пересекающейся территориальности. Сделан вывод о переходном характере «номоса Арктики», поскольку в регионе продолжается борьба за перераспределение ресурсов и расширение контроля как над физическим пространством, так и в нематериальных средах.

© Марченков М.Л., Курочкина Д.К., 2026

Ключевые слова: Карл Шмитт, номос земли, философия международных отношений, номос Арктики, международные отношения в Арктике, международно-правовой режим Арктики

Для цитирования: Марченков М.Л., Курочкина Д.К. Эвристический потенциал политико-философской концепции Карла Шмитта «номос земли» для исследования международных отношений в Арктике // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 3. С. 118–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V519>

Original article

Heuristic Value of Carl Schmitt's Political-Philosophical Concept of the Nomos of the Earth for the Study of International Relations in the Arctic

Maksim L. Marchenkov¹✉

Darya K. Kurochkina²

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; Arkhangelsk, Russia,

¹e-mail: m.marchenkov@narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3706-2817>

²e-mail: kurochkina.d@edu.narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1259-6347>

Abstract. As tensions escalate in global politics over international security architecture and global governance, the Arctic has become a region of a recent (since 2020) dramatic transformation of its international political dynamics. Therefore, amid the crisis in international relations theory and practice, it is worth turning to political-philosophical frameworks that can shed new light on the matter of world politics' problems. Among various philosophical approaches to analyzing international relations, particular attention is drawn to the concept of the Nomos of the Earth, introduced in 1950 by the German philosopher and lawyer Carl Schmitt. This approach offers considerable heuristic value to the analysis of spatial organization (i.e. the principles for establishing legal and political order across territories of varying scales) and thus provides methodological basis for the analysis of the empirics of international relations in the Arctic. Drawing on Schmitt's work and its critics, the key categories of his philosophy of political and legal space are analyzed: the land–sea dichotomy, land appropriation, “amity lines”, and “large spaces”. To operationalize and interpret these categories more effectively regarding “new” phenomena in world politics, the Nomos concept has been revisited and supplemented with notions of “actors beyond sovereignty”, hierarchy in postmodern international relations, the globalization–regionalization duality, and immaterial “new large spaces”. Using the Arctic's international relations as a case study, the research overcomes the apparent contradiction between the autonomies of land and sea by their joint construction of the region. It further demonstrates the existence of parallel “large spaces” in the Arctic, highlighting their overlapping territoriality. The conclusion is that the Arctic Nomos is yet transitional, as the region remains a site of struggle for redistribution of resources and the expansion of control over both physical space and immaterial domains.

Key words: Carl Schmitt, nomos of the earth, philosophy of international relations, nomos of the Arctic, international relations in the Arctic, international legal regime of the Arctic

For citation: Marchenkov M.L., Kurochkina D.K. Heuristic Value of Carl Schmitt's Political-Philosophical Concept of the Nomos of the Earth for the Study of International Relations in the Arctic. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 3, pp. 118–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V519>

Введение

Рассуждение о мировой политике и международных отношениях с позиций политической философии во времена артикуляции противоречий и эскалации конфликтов, растущих проявлений системных сдвигов в архитектуре международных отношений и кризиса ее парадигмальных оснований представляется все более востребованным. Так, сегодня четче кристаллизуется предмет философии международных отношений – динамика внутри аксиологической дихотомии – соотношения борьбы и диалога между макросоциальными группами, стремящимися защищать и продвигать свои ценности. Следовательно, важной производной этой дихотомии становится проблема соотношения целей и средств их достижения, иначе говоря соответствие интересов акторов и политики, которую они проводят.

Ярким примером стремительного изменения тенденций и нарративов в сфере международных отношений в последнее время стал политикум Арктического региона¹. В конце 1980-х годов были озвучены конструктивные предложения об отходе от милитаризации в Арктике в сторону многостороннего регионального сотрудничества стран, территорию которых пересекает Северный полярный круг. Постепенно дискурс арктического сотрудничества расширялся, и к концу 2000-х – началу 2010-х годов сформировался устойчивый фрейм – дискурсивная формация об «арктической исключительности»². Однако скованная в 2020–2021 годах последствиями пандемии Covid-19 динамика сотрудничества в 2022 году начала явно перерождаться в тренд по секьюритизации Арктического региона. Так, некогда позиционируемая как безусловная «территория

диалога» Арктика на сегодняшний день стала зоной интерференции, в которой одновременно проецируются потенциалы конфликтности и кооперативности.

Целью данной статьи является раскрытие эпистемического ресурса концепции «номос земли» в политической философии Карла Шмитта для оценки статуса основных современных международных процессов в Арктическом регионе. Достижение указанной цели видится возможным через философскую рефлексию шмиттианских представлений о диалектических отношениях суши и моря, интерпретацию роли негосударственных акторов и мегатрендов мирового развития, актуализацию онтологических оснований «больших пространств» для международных отношений в постсовременную эпоху. Представляется, что приложение уточненных категорий пространственно-правовой философии Шмитта к анализу ключевых международных процессов в рассматриваемом регионе позволит концептуализировать ее арктический топос – сформировать представление о «номосе Арктики».

«Номос земли» как категория философского анализа пространства

Центральное понятие в философии международного права Шмитта – «номос земли», который мыслитель отличает от привычного, восходящего к древним грекам понимания номоса как закона, нормы, обычая или принятого образа жизни. Шмиттовский номос не является абстрактной нормой, а представляет неразрывную связь права с местом его возникновения. В концепции Шмитта «право восходит к земле и связано с землей» [1, с. 9]; это право рождается из акта взятия и раздела физического пространства. Номос, по Шмитту, – «... тот

¹Под термином «политикум» в данной статье понимается совокупность не только акторов, но и международных процессов в Арктическом регионе и политической среды, в которой они происходят.

²Распространенное среди политиков и экспертов представление о том, что внерегиональные вызовы, обуславливающие политические противоречия за пределами Арктики (в частности, вопросы глобального управления, будущее архитектуры международной безопасности, переход к многополярному миру), в действительности не оказывают отрицательного влияния на динамику сотрудничества и реализацию совместных проектов в данном регионе.

непосредственный образ, который делает пространственно зримым политический и социальный порядок того или иного народа, первое измерение и размежевание пастбища, то есть захват земли и заключенный в нем, вытекающий из него конкретный порядок» [1, с. 51].

В шмиттианской логике международного права фундаментальным актом, учреждающим право народов на землю, является захват пространства. Именно взятие и раздел пространства, вслед за которыми устанавливается устойчивый пространственный порядок, предшествует нормам и договорам между государствами. Шмитт постулирует, что «...в основании каждого нового периода и каждой новой эпохи <...> лежат акты нового распределения пространства, установления новых границ и новых пространственных порядков Земли» [1, с. 66]. Уточним, что под «захватом земли» подразумевается не насильственный акт, а «...процесс установления определенного порядка и локализации на том или ином участке твердой суши, в результате чего впервые учреждается право» [1, с. 67]. Важно отметить, что из посылки об изначальном единстве порядка и локализации вытекает следствие: без конкретной локализации организация правового порядка невозможна, поскольку без первичной связи с пространством право теряет определенность и становится пустым долженствованием.

Шмитт акцентирует внимание на принципиальном различии суши и моря как двух разных типов пространственного порядка. Согласно его концепции, «...твердая суша четкими линейными границами поделена на государственные территории и подвластные государствам пространства», в то время как море «...не знает никакой другой границы, кроме берега» [1, с. 217]. Суша представляет собой пространство государств и суверенитета. На суше возможны межи, стены и границы – все то, что делает право видимым и устойчивым. Шмитт усматривает три проявления связи земли с правом: «...она хранит его в себе как награду за труд; она обнаруживает его на своей поверхности как четкую границу; и она несет его на себе, как публичный знак порядка»

[1, с. 9]. Напротив, в море нельзя провести четких линий. Установление в море суверенитета и дислокация его атрибутов затруднены, поэтому «...море не знает такого очевидного единства пространства и права, порядка и локализации» [1, с. 9]. Вместе с тем море выступает транзитной средой для базирующихся на суше государств [2, с. 25], в т. ч. для установления контроля над новыми пространствами суши. Дихотомия суши и моря и контекстуальное распространение этого разделения на внешнюю политику стран континентальной Европы стали онтологическими основаниями международного права и политического порядка в рамках шмиттианской модели [2, с. 43].

Помещение Европы в центр международно-политической идеи о номосе подводит Шмитта к анализу практики проведения глобальных линий, которые территориально ограничивают сформированный политический и правовой порядок. В частности, философ обосновывает понятие «линии дружбы», которое возникло в XVI–XVII веках. «Линии дружбы» использовались для разграничения европейского и неевропейского пространств. По Шмитту, «...по ту сторону линии начинается “заморская” зона, в которой за отсутствием каких бы то ни было правовых ограничений войны господствовало лишь право сильного» [1, с. 86]. Подобные линии ограничивали принципы ведения войны, определения врага и перераспределения ресурсов для европейских государств Нового времени внутри европейского пространства. При этом признающие такие линии государства могли действовать в духе абсолютной свободы при захвате новых пространств, расположенных по неевропейскую сторону линий [3, с. 257]. За линией прекращали действовать договоры и правовые нормы, уступая место «свободной борьбе». «Линии дружбы» фиксировали, где заканчивается порядок и начинается пространство, открытое для нового «захвата». Более поздним примером проведения глобальных линий, вводящих новый порядок в отношении отдельных пространств суши, Шмитт называет доктрину Монро.

Учитывая обращенность данной статьи к проблемам Арктики как масштабного политического региона, отметим наличие в картине реальности Шмитта понятия «большое пространство». Данная категория концептуализирует не просто огромную площадь суши или территорию империи, а качественно иную форму ее пространственной организации. Под «большим пространством» Шмитт понимает «...возникающую из обширной современной тенденции развития область человеческого планирования, организации и активности, <...> прежде всего связанное пространство достижения» [1, с. 486]. Сквозной линией через концепцию «больших пространств» проходит вдохновленный доктриной Монро принцип «...недопустимости интервенций чуждых пространству сил в большое пространство, пронизанное принципом порядка» [1, с. 506]. Исходя из этих положений, можно представить «большое пространство» как защищенный от внешних интервенций региональный порядок (региональную подсистему международных отношений), организованный вокруг политической воли ведущего государства (своего рода региональной «великой державы»). Отметим, что подобное видение пространственной организации выходит за рамки европоцентричной архитектуры мировой политики и предполагает переход к глобальному мышлению в международных отношениях. В то же время законы функционирования «больших пространств» и взаимодействия между ними, по сути, предвосхитили процессы регионализации, которые возникнут в мире как реакция на универсализм глобализации.

**«Номос земли» и поствестфальская
диалектика международных отношений:
концептуальная преемственность
и частные противоречия в отношении
Арктического региона**

Рассмотренные выше компоненты концепции «номоса земли» составляют эвристическую систему, которая дополняет абстрактные представления о международном праве и политическом устройстве мира конкретными

принципами и механизмами установления пространственной организации международного политикума и тем, как она может трансформироваться.

Вместе с тем подчеркнем, что, как и многие другие социальные теории эпохи модерна, исходная шмиттовская идея о «номосе земли» требует актуализации и более точного соотнесения с феноменами международных отношений постсовременности. Категорию «номос земли» Шмитт вводит в научный дискурс в 1950 году с выходом одноименной монографии. В идеологическом плане шмиттовская концепция является консервативной реакцией на начавшиеся после Первой мировой войны и усилившиеся после Второй мировой войны эрозию европоцентричной системы международных отношений, активное развитие неолиберальной глобализационной модели управления и возвышение Соединенных Штатов Америки (США) в мировой системе (в т. ч. в европейских процессах), что выводило Старый свет из центра международного права и политики. Примечательно, что геополитическая картина мира Шмитта, сотканная из «больших пространств», была сформулирована даже раньше – в 1939 году, на закате колониальной эпохи.

Шмитт пишет о трех ключевых этапах в генезисе номоса: открытии Нового света, установлении Вестфальской модели в Европе и вхождении США в мейнстрим мировой политики после Первой мировой войны. Видятся как минимум три направления, в которых возможно усовершенствовать концептуальное представление Шмитта, чтобы оно стало более адекватным современной политической реальности.

Во-первых, шмиттианскую логику международных отношений главным образом критикуют за имплицитное оправдание империалистской политики «великих держав» [4, с. 352]. Однако в постсовременную эпоху непосредственный захват пространства больше не является приоритетным инструментом для государств, когда реализация их внешнеполитических интересов связана с иностранными территориями, их ресурсами и жителями. Среди множества спосо-

бов трансляции влияния в мировой политике используются экономические санкции, инструменты «мягкой силы» и различные гибридные технологии, в частности для информационно-идеологического воздействия. Так, с одной стороны, для проекции власти сегодня больше не требуется непосредственное завоевание территории; с другой – включение пространства в определенный политический порядок не обязательно обеспечивает над ним полный и устойчивый контроль.

Во-вторых, структура международных отношений, по Шмитту, представлена достаточно жесткой иерархией. В этой логике движущей силой мировой политики является доминирование «великих держав» над другими: как в региональных кластерах, так и в глобальном измерении [5, с. 175]. Но действительно ли после перехода от Вестфальской модели к международным отношениям эпох модерна и постмодерна присутствовали моменты, когда мировая политика была вертикально интегрирована? Возможно ли, чтобы многоуровневая архитектура международных отношений (с новым, глобальным, уровнем) управлялась одним или несколькими государственными акторами?

Конечно, в условиях биполярной системы функционировали два больших «лагеря», линии поведения которых были структурированы двумя центрами силы. Но нельзя забывать и про параллельное существование «третьего мира» (Движения неприсоединения), а также тех участников двух «лагерей», которые балансировали между ними (взять, к примеру, внешнюю политику Финляндии между 1948 и 1991 годами).

В постбиполярном мире тоже нет признаков очевидной иерархизации международных отношений. Хотя в 1990-х годах многие исследователи предрекали скорый переход мировой политики к монополярности, т. е. ее американизации, достаточно быстро в мире возникли альтернативные центры силы. Сегодня они позволяют нам фиксировать движение мировой системы в сторону многополярности: это и Европейский Союз, и Китайская Народная

Республика, и Россия, и международное объединение «Бразилия–Россия–Индия–Китай–Южная Африка», и некоторые другие страны и союзы. Таким образом, артикулированная ориентация одной или нескольких сверхдержав на глобальное или региональное доминирование едва ли может быть атрибутом современного номоса. Принимая во внимание многообразие акторов и усиливающуюся тенденцию многополярности мирового порядка, современные сторонники политической философии Шмитта отмечают, что вопрос того, какой именно механизм будет выбран для воплощения силы катехонизма в мировой политике (гегемонистский, универсальный, транснациональный, многополярный и т. д.), является второстепенным [6, с. 149].

В-третьих, для анализа политического и правового порядка внутри «новых больших пространств» постсовременности требуется другая, адаптированная к их средам, логика номоса. К новым типам «больших пространств» можно отнести:

- высокоинтегрированные межгосударственные объединения (например, Европейский Союз) [7, с. 148–149; 8, с. 390];
- нетипичные регионы, сконструированные на основе принципов нового регионализма; эти международные общности могут занимать территории на разных континентах или одновременно включать в себя и сушу, и море [9, с. 190–191];
- телекоммуникационные пространства (в первую очередь Интернет) [10].

Онтология указанных сред принципиально отличается от тех пространств, которые концептуализировал Шмитт в своей работе, поскольку они либо не имеют собственной территориальности, либо разворачиваются поверх территориальности суверенных государств. Шмиттианское симбиотическое бытие пространства и порядка в глобальном мире сталкивается с очевидной диспропорцией: в отсутствие «белых пятен» на карте и при множестве акторов, стремящихся воплотить в жизнь свою идеологию, растет про-

блема дефицита пространств (как физических, так и когнитивных).

На этапе становления Вестфальского мира проблема территориализации политического и правового уклада была решена установлением принципа суверенитета. В постсовременных международных отношениях помимо государств действуют «акторы вне суверенитета» (международные неправительственные организации, транснациональные корпорации, различные сетевые и неформальные структуры). Пространственный ракурс их деятельности является транснациональным. Новые акторы международных отношений не обладают какими-то конкретными территориями, населением или другими классическими признаками государства. Однако их ресурсы и влияние воплощают их политическую субъектность на мировой арене, а характер их деятельности приводит, скорее, к детерриториализации сформированной пространственной организации, более знакомой нам по дискуссиям о «размывании суверенитета».

Таким образом, критерий объективной территориальности в международных исследованиях должен быть дополнен анализом информационных пространств, в которых происходит конкурентное сосуществование проекций влияния акторов новых типов. Отметим, что обращение к изучению политического компонента в нематериальных пространствах не противоречит концептуальному видению шмиттианцев, поскольку порядок всегда первичен по отношению к пространству [11, с. 11]. Следовательно, если есть такая идея порядка, которая предполагает организацию деятельности в условных средах, то эта идея тоже может быть политической.

С учетом указанных общих оговорок в отношении исходной шмиттовской концепции рассмотрим, как эпистемические установки «номоса земли» могут быть адаптированы для специфики познания актуальных международно-политических процессов в Арктическом регионе.

В Арктике нарушается исходно заложенная в концепцию «номоса земли» автономия

бинарных оппозиций суши и моря, поскольку политическое пространство Арктического региона не ограничивается только водами Северного Ледовитого океана и его побережьем. Так, говорить об автономии моря в «номосе Арктики» не приходится по нескольким основаниям. Арктика (и Северный Ледовитый океан, в частности) – это пространство, которое привлекает внимание многих стран мира, в т. ч. находящихся далеко от Северного полярного круга. Но очевидно, что любой из международно-правовых подходов к арктическим акваториям не обеспечивает шмиттианскую одинаковую свободу «за линией» для всех государств. С другой стороны, Северный Ледовитый океан не может быть рассмотрен как внутреннее море, поскольку побережье Арктики объединяет 5 суверенных государств. За арктические пространства, не только океан, но и острова и континентальное арктическое побережье, велась долгая борьба между странами, осваивавшими Север. Более века назад начался «первый передел Арктики» (активное закрепление за арктическими фронтами юрисдикции северных стран), приведший к распространению секторального подхода [12, с. 98]. А сегодня мы видим новую гонку за ресурсы в Арктике, которая возобновилась в конце 2000-х годов, когда стало повсеместно известно о богатом ресурсном потенциале региона [13, с. 239]. И в этой гонке участвуют не только арктические и внерегиональные государства, но и международные организации и транснациональные корпорации.

Возможность сохранения автономии суши в Арктике тоже ставится под сомнение. Отметим, что в Арктический регион включены части нескольких «больших пространств», внутри которых есть собственные сверхдержавы и региональные лидеры³. Также родству сухопутного и морского начала в «номосе Арктики» способствует наличие в регионе большого количества островов и

³Речь идет о регионах Северной Европы, евразийском пространстве и Северной Америке.

архипелагов, часть из которых населена коренными народами, а ряд островов используется в экономических, научных или оборонных целях. С точки зрения организации пространственного порядка все эти участки суши неотделимы от «большой земли», не смотря на морские преграды.

В связи с высокой значимостью Арктики для международных отношений и концентрацией в регионе активной деятельности человека по преобразованию ее порядка закономерно задаться вопросом, является ли Арктика интерстициальной зоной⁴ между «большими пространствами» или сама формирует такое пространство?

Не имея возможности однозначно выбрать один из вариантов, отметим, что онтологические основания «номоса Арктики» по отношению к шмиттовскому номосу несут в себе двойную гибридность. Во-первых, для номоса Арктики не характерна оппозиция автономий суши и моря, а, напротив, важны их интеграция и взаимная связанность. Во-вторых, в оптике «больших пространств» Арктика лишена четких глобальных линий на своей границе, после которых в шмиттианской логике было бы возможно различие «друг–враг». Поэтому «большое пространство» Арктического региона не является монолитным ни в физико-географическом, ни в символическом плане. В суперпозиции Арктики друг на друга накладываются когнитивное, информационное и политическое пространства, что делает процесс трансформации пространственного порядка в регионе комплексным и нелинейным.

«Номос Арктики» и актуальные проблемы международных отношений в Арктическом регионе

Заявленная гибридность онтологических оснований международной политики в Арктике и наличие в регионе множества вовлеченных акторов, различных по географической и типологической принадлежности, позволяют обосновать эпистемический статус арктической политики как пространства столкновения сухопутной и морской логики. Этот антагонизм наиболее ярко отражается в трех направлениях: неопределенности международно-правового режима региона, стремлении расширить национальную юрисдикцию над континентальным шельфом, а также милитаризации и секьюритизации арктических рубежей. Рассмотрим данные направления через контекстуализированную оптику «номоса Арктики».

Международно-правовой режим Арктики: несовершенства Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и дискуссии о Договоре об Арктике

Основу международно-правового регулирования Арктики составляет Конвенция Организации Объединенных Наций (ООН) по морскому праву 1982 года⁵. Документ закрепляет принцип свободы судоходства за пределами 200-мильной исключительной экономической зоны, что соответствует шмиттианской логике свободы универсального доступа акторов в море. Однако стоит отметить, что применимость Конвенции к Арктике имеет следующие ограничения.

Статья 234 Конвенции устанавливает особый правовой режим для покрытых льдом

⁴В значении «зона, носящая промежуточный характер, не включенная полностью ни в одно из “больших пространств”, не находящаяся под каким-то одним суверенитетом». Задача этого термина – подчеркнуть положение Арктического региона «на стыке» разных пространств и интересов, что обеспечивает интеграцию элементов его смыслового поля. Маркером этого промежуточного пространственно-организационного статуса Арктики является продолжительная дискуссия в общественно-политическом и академическом пространствах о ее принадлежности.

⁵United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 10 December 1982, entered into force 16 November 1994) // The United Nations Organization. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

районов. Согласно документу «прибрежные государства имеют право принимать и обеспечивать соблюдение недискриминационных законов и правил по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения морской среды с судов в покрытых льдами районах в пределах исключительной экономической зоны»⁶. С одной стороны, данное положение закрепляет компромисс между сухопутной и морской логикой. Однако указанная статья не имеет специфической привязки к Арктике, а также не учитывает быстро меняющиеся ледовые условия, связанные с глобальным изменением климата. Постепенное сокращение ледового покрова размывает основания для применения рассматриваемой статьи в Арктическом регионе, что в перспективе создает дополнительную правовую неопределенность [14; 15, с. 22].

Кроме того, конвенция не дает однозначных ответов на вопросы о правовом статусе Северного морского пути и Северо-Западного прохода, что приводит к длительным правовым спорам [16, с. 81–83; 17, с. 300].

Важно, что Конвенция ООН по морскому праву не предусматривает механизмов принуждения, т. е. государства могут игнорировать положения, не неся существенных последствий. США, являясь одним из арктических государств, до сих пор не ратифицировали Конвенцию, что ведет к правовой неопределенности и дает им возможность действовать в Арктике в обход установленных и разделяемых другими странами процедур [14].

В таких условиях все чаще обсуждается возможность заключения специального Договора по Арктике по аналогии с Договором об Антарктике 1959 года⁷. Сторонники рассматриваемого подхода утверждают, что но-

вый документ (договор, обязывающая форма международного права) позволит заморозить территориальные претензии и объявить арктическое пространство зоной мира и научных исследований [18, с. 1094–1096]. Противники универсального договора указывают на фундаментальные различия двух полюсов, а именно: наличие постоянного населения в Арктике; деятельность суверенных государств с четко выраженными национальными интересами; активную хозяйственную деятельность на арктических территориях и акваториях [19; 20].

Ограничения применения Конвенции ООН по морскому праву и дискуссии об универсальном договоре отражают отсутствие устойчивого номоса в Арктике ввиду того, что номос представляет собой единство порядка и локализации – т. е. ситуацию, когда право четко привязано к конкретному пространству, границы признаны, а нормы носят детерминирующий характер. На современном этапе международно-правовой режим в Арктике характеризуется отсутствием подобной структуры. Пространство Арктики сегодня остается ареной символической борьбы за трансформацию пространственного порядка.

Расширение арктического континентального шельфа

Деятельность по расширению континентального шельфа является примером сухопутной логики, ведь государства стремятся распространить свой суверенитет на подводные пространства, рассматривая шельф как продолжение материковой суши. В Арктике подобная практика реализуется посредством многостороннего и одностороннего подходов.

Многосторонний подход основывается на положениях Конвенции ООН по морскому пра-

⁶United Nations Convention on the Law of the Sea (adopted 10 December 1982, entered into force 16 November 1994) // The United Nations Organization. URL: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_r.pdf (дата обращения: 13.04.2026).

⁷Договор об Антарктике (совершено в Вашингтоне 01.12.1969) // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf (дата обращения: 20.04.2026).

ву. Заявки Дании, Канады и России на расширение арктического шельфа имеют ряд пересечений. Указанные страны ведут работу по приведению геологических и иных научных доказательств, и Комиссия по границам континентального шельфа, принимая эти аргументы, периодически выносит отдельные рекомендации по поводу данных территориальных споров. Но важно отметить, что, несмотря на требования глубины предоставляемых доказательств, решения комиссии носят рекомендательный характер и не служат обязательным основанием для изменения правового и политического порядка в акватории, пока стороны, чьи заявки пересекаются, не достигнут договоренностей. Стало быть, следование процедуре согласно конвенции как бы структурирует процесс «захвата» подводных пространств Арктики совершенно в ином ключе, нежели как о разделе пространств «за линиями» пишет Шмитт.

Односторонний подход демонстрируют США. Не ратифицировав Конвенцию ООН по морскому праву, вместо участия в процессе делимитации границ континентального шельфа через вышеупомянутую комиссию США проводят одностороннее расширение континентального шельфа в Арктике в декларативном порядке, опираясь на собственные геологические исследования и национальное законодательство. Отмечается, что подобные действия со стороны Соединенных Штатов могут привести к возникновению серьезной правовой коллизии. В то время как арктические государства действуют в соответствии с общепринятой международной процедурой, США игнорируют существующие нормы, что подрывает легитимность международного режима в целом [21; 22].

Действия суверенных акторов в рамках обоих подходов следует рассматривать как попытки формирования нового пространственного порядка в Арктике. В обоих случаях расширение шельфа является «захватом» подводных территорий, но примечательно, каким образом каждый из подходов легитимизируется. При многостороннем подходе установление контроля над новыми пространствами согласуется

в одном из органов ООН, тем самым политическое значение территориального конфликта в Арктике переносится далеко за ее пределы – на площадку «актера вне суверенитета». Так, в случае принятия положительного решения право «захвата» новых подводных территорий символически встраивается в ткань *международного права многих*. В то же время односторонняя экспансия – более соответствующий классической шмиттианской логике односторонний акт силы, легитимация которого зависит от политического решения других.

«Спираль безопасности» и проблемы милитаризации Арктики

С 1990-х годов Арктика позиционировалась как «регион мира и сотрудничества». Период доминирования кооперативной парадигмы в Арктическом регионе характеризовался низким уровнем военной напряженности и приоритетом ненасильственного разрешения споров. В последующем кооперативная модель, сперва сохранявшая ранее упомянутый принцип «арктической исключительности», сменилась конфронтационной, что сегодня отчетливо выражается в разрастающейся милитаризации региона и постепенной перестройке международной политики в Арктике в матрицу великодержавного соперничества.

Выраженная милитаризация Арктики со стороны стран Запада началась в 2014 году после разрешения Крымского кризиса, а качественно новый этап милитаризационной спирали запустился после начала специальной военной операции в 2022 году. В 2023–2024 годах Финляндия и Швеция были приняты в качестве полноправных членов в Организацию Североатлантического договора (НАТО), что позволило разместить на территории северных стран дополнительную военную инфраструктуру, наземные контингенты и усилить группировки военно-морских сил [23, с. 145–146]. Кроме того, страны НАТО наращивают военный потенциал в регионе за счет восстановления арктической инфраструктуры и регулярных крупномасштабных учений. Подобные действия арктических государств спровоцировали

ответные меры со стороны Российской Федерации, которая приступила к восстановлению военных баз, расположенных на территории Арктической зоны, созданию новых частей, усилению Северного флота, а также комплексному развитию Северного морского пути [24, с. 61–62]. Милитаризация Арктики носит взаимообуславливающий характер: каждая сторона объясняет свои действия необходимостью защиты национальных интересов и реагированием на действия другой. В результате возникает «спираль безопасности», где наращивание военного потенциала одним государством воспринимается другими как угроза, требующая ответной реакции, что запускает очередной цикл.

Одновременно с милитаризацией в Арктике расширяется дискурс секьюритизации. Во всех арктических стратегиях, опубликованных после 2022 года, экономические, экологические, климатические, демографические, инфраструктурные и другие «гражданские» вопросы стали чаще интерпретироваться в терминах национальной безопасности. Так, субъект-субъектная природа феномена секьюритизации затрудняет развитие сотрудничества в рамках международных организаций, легитимирует милитаризацию и провоцирует эскалацию.

Милитаризация и секьюритизация Арктического региона обуславливают распространение классических геополитических императивов в политике арктических акторов, что сближает международные процессы в регионе с принципами функционирования шмиттовских «больших пространств». В то время как кооперативная модель в Арктике уступает место конфронтационной, мы все чаще становимся свидетелями проявления в арктической политике диалектики *своих* и *чужих* пространств, различения акторов (разных типов) на *друзей* и *врагов*. Однако открытым остается вопрос, будут ли в «номосе Арктики» существовать те «линии дружбы», переход за которые даст акторам полную свободу в выборе средств достижения целей. Представляется, что неочевидность ответа на этот вопрос связана прежде всего с фактором ядерного оружия и обилием

средств ведения гибридных войн и реализации инструментов «мягкой силы» для достижения задач контроля над когнитивным пространством соперника.

Заключение

Несмотря на достаточно давнюю разработку политико-философской парадигмы международного права Карла Шмитта и появление новых феноменов в мировой политике, концепция «номоса земли» сохраняет актуальность. Вклад философа в развитие представлений об онтологии международного права и его связи с суверенитетом до сих пор обладает полезным эвристическим потенциалом и позволяет дополнить аксиологическую картину рационалистских теорий международных отношений.

Актуализация и контекстуализация шмиттовской концепции «номоса земли» позволила сформулировать представление о гибридности «номоса Арктики». Так, можно предложить авторское определение современного «номоса Арктики» как подхода к познанию темпорально-пространственной организации международного порядка в пределах Арктики в качестве гибридного пространства с растяжимой локализацией. Гибридность топологической субструктуры этого определения обусловлена диалектическими отношениями физического и информационно-когнитивного измерений Арктики.

Рассмотрение основных международных процессов в Арктике позволяет сделать вывод о том, что Арктический регион пребывает в переходном состоянии, где старый номос, скорее, разрушен (концепция находится в кризисе объяснения многих особенностей региона), а новый продолжает выстраиваться. Арктика перестала быть «территорией диалога» и становится пространством, где новый номос формируется через соперничество, проведение новых «глобальных линий» и «линий дружбы», установление политического, информационного и когнитивного контроля.

Незавершенность делимитации арктических пространств, кризис в работе институтов регионального сотрудничества, а также расширение милитаризации и секьюритизации

Арктики вслед за внерегиональными вызовами безопасности – все это атрибуты стратегической неопределенности, характеризующей настоящее политикума Арктического региона. Безусловно, изучению данной проблемы следует посвятить отдельные исследования. Однако отметим, что фундаментальный характер этого явления подразумевает потенциал трансформации международной жизни в Арктике в принципиально разных направлениях: от ревитализации сотрудничества и привлечения к нему глобальных акторов до дальнейшего закручивания спирали безопасности и исключения всех неарктических акторов из международных процессов в регионе.

Так, дальнейшее развитие концепции имеющимся «номоса Арктики» будет зависеть от разрешения вопроса о ее статусе как интерстициальной зоны или «нового большого пространства». В первом случае онтология и топология этого номоса будут во многом определяться проецированием на Арктику внерегиональных вызовов; во втором случае – спецификой дискретного управления доступом к Арктическому региону,

т. е. архитектурой региональной подсистемы международных отношений, о которой говорится «закрытый клуб» арктических государств. При этом реализация последнего сценария потребует от арктических акторов отойти от нормативных оснований международной политики в регионе в сторону шмиттианского децизионизма.

Представляется, что изложенный в данной статье подход к анализу международно-политических процессов в Арктике через ее собственный номос может стать полезным дополнением к имеющимся попыткам политико-философского осмысления кризиса теории и практики международных отношений в регионе. Вместе с тем ограничения предлагаемого эпистемологического подхода видятся в его концептуальном пересечении с другими популярными моделями осмысления международных процессов через оптику «пространственного поворота», в частности с социальным конструктивизмом, различными подходами к концептуализации политического пространства, а также школой арктической геополитики.

Список литературы

1. Шмитт К. Номос Земли в праве народов *Jus Publicum Europaeum*. СПб., 2008. 670 с.
2. Herrero M. *The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order*. London, 2015. 290 p.
3. Ssorin-Chaikov N. Hybrid Peace: Ethnographies of War // *Ann. Rev. Anthropol.* 2018. Vol. 47. P. 251–262. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050139>
4. Jurkevics A. Hannah Arendt Reads Carl Schmitt's *The Nomos of the Earth: A Dialogue on Law and Geopolitics from the Margins* // *Eur. J. Polit. Theory.* 2017. Vol. 16. P. 345–366. <https://doi.org/10.1177/1474885115572837>
5. Kalpokas I. The New Nomos of the Earth and the Channelling of Violence // *J. Int. Polit. Theory.* 2017. Vol. 13. P. 162–180. <https://doi.org/10.1177/1755088216679024>
6. Яркеев А. Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // *Социол. обозрение.* 2024. Т. 23, № 1. С. 135–159.
7. Burgess J.P. *The New Nomos of Europe // Geopolitics.* 2009. Vol. 14. P. 135–160.
8. Příbáň J. European Constitutional Imaginaries: A Socio-Legal Perspective // *Eur. Law Open.* 2025. Vol. 4. P. 387–401. <https://doi.org/10.1017/elo.2025.3>
9. Orford A. Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law // *Curr. Leg. Probl.* 2021. Vol. 74. P. 149–194. <https://doi.org/10.1093/clp/cuab005>
10. Sereni C.A. Digital Nomos and the New World Order: Towards a Theological Critique of Silicon Valley // *Tapuya: Lat. Am. Sci., Technol. Soc.* 2021. Vol. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/25729861.2020.1843870> (дата обращения: 20.04.2026).
11. Антонов Б.А. Теория «больших пространств» Карла Шмитта применительно к политике Первого рейха: об актуализации понятия «(большое) пространство» в ретроспективе и перспективе // *Пролог: журн. о праве.* 2024. № 3(43). С. 7–16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.3.1>
12. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск, 2010. 400 с.

13. Медведева Л.М. Активизация и диверсификация арктической политики: историографический обзор // Проблемы Арктики и Антарктики. 2025. Т. 71, № 2. С. 234–249. <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2025-71-2-234-249>

14. Postler A. UNCLOS in the Arctic: A Treaty for Warmer Waters // Georgetown Security Studies Review. 24.02.2020. URL: <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2020/02/24/unclos-in-the-arctic-a-treaty-for-warmer-waters/> (дата обращения: 13.04.2026).

15. Гаврилов В.В., Ляшко Г.С. «Экологическое измерение» статьи 234 Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву и законодательство России о регулировании судоходства в акватории Северного морского пути // Моск. журн. междунар. права. 2023. № 4. С. 18–34. <https://doi.org/10.18356/9789210018081>

16. Тодоров А.А. Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-западном морском пути // Арктика и Север. 2017. № 29. С. 74–89. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.74>

17. Kylegzhani A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: Interaction of Russian and International Applicable Law // Polar J. 2020. Vol. 10. P. 285–302. <https://doi.org/10.1080/2154896x.2020.1844404>

18. Котлова А.В., Вершина Л.В. Азиатское измерение международного сотрудничества в Арктике: международно-правовые аспекты // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Право. 2025. Т. 16, № 4. С. 1088–1102.

19. Jabour J. Pharand's Arctic Treaty: Would an Antarctic Treaty-Style Model Work in the Arctic? // International Law and Politics of the Arctic Ocean: Essays in Honor of Donat Pharand / ed. by S. Lalonde, T.L. McDorman. Leiden, 2015. P. 75–92. https://doi.org/10.1163/9789004284593_005

20. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & Non-Arctic Political Discourses // Arctic Yearbook 2015. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/2015-scholarly-papers/135-the-common-arctic-legal-analysis-of-arctic-non-arctic-political-discourses> (дата обращения: 20.04.2026).

21. Жилин П.Е. Границы континентального шельфа в Арктике. Кейс США // Российский совет по международным делам. 31.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic-community/granitsy-kontinentalnogo-shelfa-v-arktike-keys-ssha/> (дата обращения: 13.04.2026).

22. Гудев П.А. Претензии США на континентальный шельф: спорная легитимность // Россия и Америка в XXI веке. 2024. № 11. <https://doi.org/10.18254/S207054760033196-2>

23. Коньшиев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. XXV: Междунар. отношения и мировая политика. 2024. Т. 16, № 3. С. 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>

24. Цюй С., Печерица В.Ф., Ло С. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности российско-го Севера // Рос.-китай. исследования. 2024. Т. 8, № 1. С. 57–68.

References

1. Schmitt C. *Der Nomos der Erde im Volkerrecht des jus publicum Europaeum*. Köln, 1950. 308 p. (Russ ed.: Shmitt K. *Nomos Zemli v prave narodov Jus Publicum Europaeum*. St. Petersburg, 2008. 670 p.).

2. Herrero M. *The Political Discourse of Carl Schmitt: A Mystic of Order*. London, 2015. 290 p.

3. Ssorin-Chaikov N. Hybrid Peace: Ethnographies of War. *Annu. Rev. Anthropol.* 2018, vol. 47, pp. 251–262. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102317-050139>

4. Jurkevics A. Hannah Arendt Reads Carl Schmitt's The Nomos of the Earth: A Dialogue on Law and Geopolitics from the Margins. *Eur. J. Polit. Theory*, 2017, vol. 16, pp. 345–366. <https://doi.org/10.1177/1474885115572837>

5. Kalpokas I. The New Nomos of the Earth and the Channelling of Violence. *J. Int. Polit. Theory*, 2017, vol. 13, pp. 162–180. <https://doi.org/10.1177/1755088216679024>

6. Yargeev A.V. Katekhon kak teologo-politicheskaya paradigma mirovogo poryadka [The Katechon As a Theological-Political Paradigm of the World Order]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2024, vol. 23, no. 1, pp. 135–159.

7. Burgess J.P. The New Nomos of Europe. *Geopolitics*, 2009, vol. 14, pp. 135–160.

8. Příbáň J. European Constitutional Imaginaries: A Socio-Legal Perspective. *Eur. Law Open*, 2025, vol. 4, pp. 387–401. <https://doi.org/10.1017/elo.2025.3>

9. Orford A. Regional Orders, Geopolitics, and the Future of International Law. *Curr. Leg. Probl.*, 2021, vol. 74, pp. 149–194. <https://doi.org/10.1093/clp/cuab005>

10. Sereni C.A. Digital Nomos and the New World Order: Towards a Theological Critique of Silicon Valley. *Tapuya: Lat. Am. Sci. Technol. Soc.*, 2021, vol. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/25729861.2020.1843870> (accessed: 20.04.2026).

11. Antonov B.A. Teoriya «bol'shikh prostranstv» Karla Shmitta primenitel'no k politike Pervogo reykh: ob aktualizatsii ponyatiya «(bol'shoye) prostranstvo» v retrospektive i perspektive [Carl Schmitt's Theory of "Great Spaces" Applied to the Policy of the First Reich: Actualizing the Concept of (Great) Space in Retrospect and Perspective]. *Prolog: zhurnal o prave*, 2024, no. 43, pp. 7–16. <https://doi.org/10.21639/2313-6715.2024.3.1>

12. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [The Great Redistribution of the Arctic]. Arkhangel'sk, 2010. 400 p.
13. Medvedeva L.M. Activation and Diversification of Arctic Policy: a Historiographical Review. *Arctic and Antarctic Research*, 2025, vol. 71, no. 2, pp. 234-249. (In Russ.) <https://doi.org/10.30758/0555-2648-2025-71-2-234-249>
14. Postler A. UNCLOS in the Arctic: A Treaty for Warmer Waters. *Georgetown Security Studies Review*. 24.02.2020. URL: <https://georgetownsecuritystudiesreview.org/2020/02/24/unclos-in-the-arctic-a-treaty-for-warmer-waters/> (accessed:13.04.2026).
15. Gavrilov V.V., Lyashko G.S. "E'kologicheskoe izmerenie" stat'i 234 Konventsii Organizatsii Ob"edinyonny'kh Natsiy po morskomu pravu i zakonodatel'stvo Rossii o regulirovaniy sudokhodstva v akvatorii Severnogo morskogo puti ["Environmental Dimension" of Article 234 of the United Nations Convention on the Law of the Sea and Russian Legislation on the Regulation of Navigation in the Waters of the Northern Sea Route]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2023, no. 4, pp. 18–34. <https://doi.org/10.18356/9789210018081>
16. Todorov A.A. Pravovoy spor mezhdu Rossiey i SSHA o Severnom morskoy puti i pokhozhiy vopros o Severozapadnom morskoy puti [The Russia-USA Legal Dispute Over the Northern Sea Route and Similar Case of the Northwest Passage]. *Arktika i Sever*, 2017, no. 29, pp. 74–89. <https://doi.org/10.17238/issn2221-2698.2017.29.74>
17. Vylegzhanin A., Bunik I., Torkunova E., Kienko E. Navigation in the Northern Sea Route: Interaction of Russian and International Applicable Law. *Polar J.*, 2020, vol. 10, pp. 285–302. <https://doi.org/10.1080/2154896x.2020.1844404>
18. Kotlova A.V., Vereina L.V. Aziatskoe izmerenie mezhdunarodnogo sotrudnichestva v Arktike: mezhdunarodno-pravovye aspekty [Asian Dimension of International Cooperation in the Arctic: International Legal Aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2025, vol. 16, no. 4, pp. 1088–1102.
19. Jabour J. Pharand's Arctic Treaty: Would an Antarctic Treaty-Style Model Work in the Arctic? *International Law and Politics of the Arctic Ocean: Essays in Honor of Donat Pharand*. Leiden, 2015 pp. 75–92. https://doi.org/10.1163/9789004284593_005
20. Bartenstein K. The 'Common Arctic': Legal Analysis of Arctic & Non-Arctic Political Discourses. *Arctic Yearbook* 2015. URL: <https://arcticyearbook.com/arctic-yearbook/2015/2015-scholarly-papers/135-the-common-arctic-legal-analysis-of-arctic-non-arctic-political-discourses> (accessed: 20.04.2026).
21. Zhilin R.E. Granitsy kontinental'nogo shel'fa v Arktike. Keys SSHA [Boundaries of the Continental Shelf in the Arctic. The Case of the USA]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 31.01.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic-community/granitsy-kontinentalnogo-shelfa-v-arktike-keys-ssha/> (accessed: 13.04.2026).
22. Gudev P.A. Pretenzii SSHA na kontinental'nyy shel'f: spornaya legitimnost' [US Claims to the Continental Shelf: Disputed Legitimacy]. *Rossiya i Amerika v XXI veke*, 2024, no. 11. <https://doi.org/10.18254/S207054760033196-2>
23. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Voennaya bezopasnost' v Arktike: novye ugrozy dlya Rossii [Military Security in the Arctic: New Threats to Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, 2024, vol. 16, no. 3, pp. 127–152. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152>
24. Qiu X., Pecheritsa V.F., Lo X. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti rossiyskogo Severa [Militarisation of the Arctic and Problems of Strengthening the Security of the Russian North]. *Rossiysko-kitayskie issledovaniya*, 2024, no. 1, pp. 57–68.

Информация об авторах

М.Л. Марченков – старший преподаватель кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Д.К. Курочкина – соискатель кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4).

Information about the authors

Maksim L. Marchenkov, Senior Lecturer at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangel'sk, 163002, Russia).

Daria K. Kurochkina, applicant at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Science, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 4, Arkhangel'sk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 22.04.2026

Одобрена после рецензирования 25.05.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Submitted 22 April 2026

Approved after reviewing 25 May 2026

Accepted for publication 29 May 2026